

СЕВЕРНАЯ БЫЛЬ

Собачья упряжка несколько часов мчалась по тундре, как вдруг он резко затормозил нарту, показал остолом в сторону оранжево пылающего закатного неба.

— Смотри, там олени. Большое стадо оленей.

Лицо его, спокойное и задумчивое, стало возбужденным раскованным.

Я увидел у самой линии горизонта белое облако, которое расширялось и, будто ветер, несло к нам. Я услышал стук копыт, шорох снега и глубокое, частое дыхание. Тундра вмиг наполнилась кипением жизни. Олений табун быстро промчался мимо. Наступила тишина. Олеттын посмотрел на меня:

— О людях тундры надо писать громко. Так громко, как кричит олень осенью, как скрипят полозья нарты в морозный день...

Он крикнул, собачья упряжка рванула, в лицо нам ударил ветер.

— Вы пили чай в Ачайваяме?

Старый эвен глядел на меня хитрыми прищуренными глазами.

— О-о-о! Тогда тебе нужно много-много пить чай с нами, все узнаешь...

Мудрый человек Семен. Скажет что-нибудь вроде совсем простое, а потом, глядишь, — со смыслом были сказаны слова.

Во время поездки по зимней тундре я часто вспоминал слова старого эвена, но только к концу поездки понял их настоящий смысл. Не попробовав 40 или 50 градусов мороза, не испытал пургу и ветер, не поездив с жителями тундры под северным небом, человек не поймет и цену северного чая, а значит, не поймет и жизни северян.

Откуда начинается север?

Вот уже третий час самолет дрожит над заснеженной землей, а внизу все те же безмолвные гряды сопок. Ребристые, с зазубренными спинами, они, словно звери, вытянулись к воде и не в силах оторваться, застыли.

Самолет летит по границе земли и океана, аккуратно повторяя изогнутую линию берега. С самолета видны гладкие белые головы сопок, черные каменные скалы в океане, длинные темно-серые излуины рек.

Белая, безмолвная страна безмолвных хребтов, долин и сопок. За два часа полета — ни единого жилья. Единственный движущийся предмет в этом бескрайнем снежном пространстве — темная, бегущая по белым сопкам тень нашего самолета. Даже рокот моторов кажется чужеродным в этом краю холода и безмолвия.

Над горизонтом низко висит солнце, и сопки откидывают длинные тени. И это чередование бедой, солнечной и темной, холодной сторон создает резкие контрасты, подчеркивает суровость зимней тундры.

Дрожит в ушах рокот самолета над белой пустыней тундры.

Но вот под крылом мелькнули на белой поляне в лесу синие, оранжевые домики. Самолет пошел на посадку.

Стоим на земле. Тишина. Сорокаградусный мороз сжимает тело, запускает иглы в пальцы рук и ног.

— Амто! — самолет встречают жители села. В меховой одежде — кухлянках из оленьих шкур, расшитых бисером торбасах, пышных малахаях, ярких рукавицах с оранжевыми кисточками, широкими поясами с ножами в костяных ножнах.

Ярок и пестр наряд жителей тундры.

Красный шар солнца садится за далекие синие сопки. Дрожит от мороза багряное-на закате небо. Сиреневый дым разливается по долине. В село бегут из леса упряжки собачек со связками хвороста на нартах.

Вечер. В домах вспыхнули электрические огни. Холодным зеленым светом мерцают звезды. В ярких сполохах ночное небо.

Ачайваям — это название села и речки, что находятся в самом сердце камчатской тундры. Дальше на север простирается Чукотка, на востоке — Тихий океан. Село стоит у слияния речек Ачайваям и Апука, в долине, защищенной сопками. Несколько десятков синих, оранжевых домиков. Лес. Высокие тополя с кривыми, распластанными руками-ветвями. Стаи черных ворон на деревьях. Длинными белыми столбам: подпирает небо дым из труб домов. Собачьи упряжки, утопая в снегу, бегут по улице.

Ачайваям — село, в котором живут чукчи, коряки, эвены.

Я пытался выяснить, что значит Ачайваям. Одни говорили, это мутная река. Все лето в сопках и хребтах тает снег, и вода в речке мутная от ила. Другие утверждали: это красивая река. Даже издавшие виды, поездившие по миру люди поражались красотой реки, зелеными зарослями кедрача, багряными закатами, снежными сопками, многообразием тундровых красок.

Я спросил у жителей: кто может из старожилков рассказать историю села. Они подумали: «Однако, Семен. Он самый старей в селе».

Эвен Семен действительно был стар. Землисто-темное широкое лицо. Полуслепые глаза. Когда я зашел к нему в дом, Семен сидел, поджав ногу — старая привычка жителей тундры — и курил. Женщина хлопотала у печки.

— Сколько же вам лет? — спросил я Семена.

Он повернул ко мне лицо, засмеялся:

— Может девяносто, а может, сто. Сам не знаю.

— Ну, а село как возникло, помните?

— Семен все помнит. Как сейчас помнит. Сам место определял.

Он набил в трубку табаку, не спеша закурил. На столе появились дымящиеся куски оленины. Хозяйка разлила по кружкам чай.

— Некоторые говорили: возле моря село строить. Я сказал: зачем возле моря, зачем так далеко? Как из тундры ездить будем? Здесь хорошо. Ветра нет. Рыба есть. Оленям хорошо. Значит, и людям хорошо... Семен все помнит.

Он помнит рассказы отца, а тому рассказывал дед, что издревле люди их рода кочевали по тундре, держались речек.

По одну сторону реки жили в юртах эвены, по другую чукчи.

Оленей эвены не имели, перебивались охотой да заготовленной летом рыбой. У «рыбоедов» — так чукчи называли эвенов — наступил голод. А вскоре странная болезнь стала косить всех подряд. Из дома в дом ходил с бубном шаман, выгонял «злой дух». Крутился в дикой пляске, гремел бубном, заклинал. А смерть — по-прежнему уносила людей. Каждый день эвены хоронили своих близких. Каждый день чукчи сжигали на Шаман-горе умерших. Бросили люди злое место и перекочевали на новые стойбища.

— А потом русские пришли, — говорит Семен. — Хорошие люди. Олешек у богатых взяли. Большое общее стадо получилось. Русская женщина олешек лечила. Однако, хорошая была. На летовку ходила. Вкусные котлеты готовила. Семен все помнит.

Я слушаю и думаю о тех людях, которые первыми пришли в эти далекие глухие места.

Они принесли в тундру культуру, возродили к жизни северные народности, оставили в сердце чукчей, коряков, эвенов память о себе. Однажды во время разговора кто-то спросил у чукчи: кто самый уважаемый человек? Он ответил: «Однако, наш директор совхоза». Уважение человека измеряют здесь делами, отношением к людям. Русские научили жителей тундры плотничьему мастерству, умению обращаться с машинами.

Юрты, землянки, первые рубленые дома — так возникало село. Эвен Семен Андреевич Семенов стал одним из первых председателей сельсовета. Тяжело было приучать людей, разбросанных в тундре по юртам, к коллективной жизни. Было в ачайваямской тундре два богача — Атувье и Котгиргин. Сманивали они к себе на работу людей, не хотели переселяться в село. Наконец, Атувье уговорили. Труднее было с Котгиргиным. Приехали однажды представители сельсовета, а Котгиргин даже к юрте не подпустил. Оскалил зубы, вытащил нож: «Не буду переселяться...».

— Хорошо, — ответил представитель. — Но если хоть раз будешь использовать совхозных рабочих, под суд дойдешь...

Котгиргин обещал подумать. Лишь через несколько лет бросил он кочевой образ жизни.

Когда мы говорим об изменениях в жизни чукчей, коряков, эвенов, мы не всегда учитываем, что пятьдесят лет назад эти народности были на уровне первобытного строя. Без помощи государства о развитии северных народностей не могло быть и речи. Начинать приходилось фактически от нуля. Ликвидировать безграмотность, лечить больных, создавать новый быт, новую культуру. Шагнуть от первобытного уклада жизни в космический век за 50 лет было не просто. В новых домах жители -по привычке ложились спать на шкурах, где рядом лежали собаки. Шли не к доктору, а к шаману. Не пускали детей в школу. Теперь это все в прошлом.

Мне рассказали об одном любопытном случае. Сельский врач Ирина Франк с комиссией проверяла санитарное состояние в домах. Зашли в квартиру Марии Каля. В комнатах было грязно, по полу разбросаны оленьи шкуры, рядом лежала собака. «Сделаем в графике отметку черным карандашом, — сказал врач. — И на женское собрание вызовем».

Мария потупилась:

— Не пойду на собрание. Ругать будут.

— Вот зайду завтра, чтоб порядок был.

— Заходим назавтра, — рассказывает врач, — в комнате чистота, муж шторы вешает. Мария улыбается. «Доктор, обещаю, всегда будет порядок...».

Меняется быт, меняется психология человека в тундре.

Село новее построили, хорошие дома! Видел? Раньше в землянках жили. Темно, холодно. Хочешь, землянки покажу? — спрашивает Семен.

Он надевает кухлянку, широкий красочный пояс с ножом, и мы идем по улице села.

Широкие, ровные улицы. Просторные трехквартирные дома. В морозном воздухе улавливается запах смолы и свежей краски.

Яркое солнце купается в морозном дыму над сопками. Прозябшие, сидят на деревьях вороны. Слышен гул моторов — в село летят самолеты. Все материалы для строительства села доставлены в тундру самолетами.

Землянки, в которых жили чукчи, эвены, занесены снегом. Тропинки нет — к ним навсегда потеряна дорога. Пробираемся по снежной целине. Открываем тугую, перекосившуюся дверь. В маленькой землянке холодно, сыро, темно. Даже солнечные лучи

не проникают через узкое окошко. Прогнивший пол, щели в стенах. Ветер качает закопченную деревянную фигуру божка в углу.

— Это «тайныквыт» — идол, которому поклонялись чукчи, — рассказывает Семен. — Его держали в каждом доме как хранителя семейного очага. Теперь разве только у стариков встретишь.

Выходим на улицу. В глаза бьет яркий солнечный свет.

Старее и «свое село, как два мира. Одно — ушедшее в прошлое, где дожигает последние дни покинутый божок — «тапныквыт». Другое — крепкое, здоровое, набирающее новые силы.

Ачайваям — центральная усадьба крупнейшего в области Пахачинского совхоза. Благосостояние чукчей, коряков, эвенов крепко связано нынче с совхозом, с его доходами. 16 тысяч оленей пасутся на просторах тундры. Совхоз ежегодно получает по сто тысяч рублей дохода.

Больница. Детский сад. Школа. Библиотека в 7,5 тысячи томов книг. Магазин. Клуб. За 50 лет в жизни чукчей, коряков, эвенов сделано столько, сколько не сделано за века. Утро в селе. Легкие, дымчатые облака, подкрашенные солнцем, висят над сопками. Стоим со старым звеном, смотрим на утреннее село. Возле крайних домиков, на белой равнине тундре, чернеет единственная юрта.

— Надо бы оставить ее для памяти. Пусть видят дети, внуки, как жили их предки. У молодежи нынче счастливая судьба. Внучка моя Галя вон в той школе училась, — он показывает на новее красивое здание. — Шибко грамотная стала. Ученей будет. Помирать не хочу, — он тычет себя пальцем в грудь. — Жить хочу.

Мчатся по улицам собачьи упряжки — эти безотказные северные трамваи. Матери-чукчанки везут в детсад на саночках детей в теплой меховой одежде. С портфелями за плечами идут в школу дети.

На лесной поляне, в тундре, проснулись домики. Из труб домов поднимается в кебе белый дым.

Из какой это сказки?

Но это не сказка. Это был наших дней.